

УДК 8И (нем.)

С.А. Макуренкова

ПОЭТИЧЕСКИЕ АПОФЕОЗЫ ГЁТЕ: АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Статья посвящена анализу фаустианской темы в контексте русской литературы. Дается краткий обзор истории переводов «Фауста» Гёте на русский язык, и в этой связи рассматриваются два перевода, выполненные Б. Пастернаком: ранней (1785) неоконченной поэмы Гёте «Тайны» (1922) и «Фауста» (1957). Анализируется новое прочтение второй главы «Фауста», до сих пор не имеющей однозначного истолкования, предложенное в книге Ю. Юрченко «Зашифрованная поэма «Фауст»: Пастернак против Сталина» (СПб. : Азбука-классика, 2010).

апология, Гёте, реализм, романтизм, Фауст.

Ведь мы играем не из денег,
А только б вечность проводить.

*А.С. Пушкин «Наброски к замыслу
о Фаусте»*

Нельзя не признать, что наша национальная культурная традиция располагает приобщенностью к некоему субстрату знания (или мудрости), которое врытается в нее до определенной степени нежданно-негаданно, да вообще-то и непрошено. Так, совсем недавно мы стали свидетелями появления на музыкальном горизонте отечественной культуры фигуры Теппера фон Фергюсона, немецкого композитора польского происхождения, мецената и негоцианта, состоявшего в позднем ученичестве у Моцарта, что сделало его очевидцем трагедии последних дней своего кумира и Учителя. Исполнение музыки Т. фон Фергюсона, его концертов, симфонии, сонат, прелюдий стало своего рода открытием московского музыкального сезона 2009/10 года. Музыка неизвестного автора покорила глубиной, насыщенностью, выразительностью. В ней нет абсолютности дерзаний гения, но она держит общий высокий строй музыки позднего барокко, и, главное, дает приобщиться к музыкальной эстетике, внутри которой складывался вкус и юного Пушкина, ведь Фергюсон, получив после смерти Моцарта приглашение от русского двора, приехал в Россию, где стал наставником лицеистов. Его имя часто звучит в их воспоминаниях – они любили воскресные музицирования в его доме, который и по сей день стоит в первой линии особняков от Екатерининского дворца в Царском Селе. На доме вывеска, свидетельствующая о благодарной памяти его новых соотечественников.

А.С. Пушкин отдал должное этому милому человеку, самозабвенно более всего любившему Моцарта и своих учеников лицеистов. А потому «маленькая

трагедия» «Моцарт и Сальери» выросла до национального эпоса – А.С. Пушкин дерзновенно повторил эскападу гениального предшественника. Его «Волшебной флейтой» стал дуэльный картель, собственноручно составленный так же, как записанный рукой Моцарта «Requiem».

Помимо приобщенности к великой фигуре Моцарта, мы имеем, благодаря А.С. Пушкину, приобщение и к ряду других весьма загадочных в своей таинственной одаренности личностей. Так, скрытая жизнь маски Шекспира открывается в первом упоминании в русской культуре имени его современника Джона Данна. Немецкая культура входит в отечественный обиход – в отличие от В.А. Жуковского со всей очевидной реальностью романтической немецкой баллады – образом Фауста.

Академическая справка к короткому отрывку, который сегодня непростительно именуется «Сцена из “Фауста”», гласит, что в первой (прижизненной!) публикации в «Московском вестнике» в № 9 за 1828 год он был назван автором «Новая сцена между Фаустом и Мефистофелем». В действительности «это не является ни переводом, ни даже подражанием «Фаусту» Гёте: здесь Пушкин совершенно самостоятельно трактует образы Фауста и Мефистофеля».

Надо отдать должное поэтическому гению нашего соотечественника: его толкование образов немецкой средневековой народной легенды оказалось столь самостоятельно, что сегодня сделало нас причастными знания, которое дорого обошлось европейской культуре. Ведь в некотором роде под сенью гётевского произведения сложилась история последнего столетия – через безумие Ницше, настигшее его в фаустианском образе ближайшего друга Рихарда Вагнера (какая ирония имен!), к культу самодовлеющей личности в апофеозе надмирных возможностей адских сил.

«Мне скучно, бес», – начальная фраза пушкинской зарисовки развенчивает многовековые страдания немецкой – да и европейской – рефлексии по поводу гордыни знания как учености. Знание здесь чистая случайность – как повод к... склонение к... Но вот к чему? В отличие от сорокалетнего гётевского бдения над загадкой Фауста, в котором сквозит изживание трагического опыта юности, когда Гёте в годы веймарской придворной службы подписал смертный приговор юной девушке, зная, что обвинение заведомо ложное, А.С. Пушкин искрометно разрешает эту проблему в поэтическом турнире из чуть более двадцати реплик.

«Если скучно мне, то пусть и вам будет невесело», – вот она, незамысловатая формула обывательского обихода. И ученость здесь ни при чем.

Фауст

Что там белеет? говори.

Мефистофель

Корабль испанский трехмачтовый,

Пристать в Голландию готовый:

На нем мерзавцев сотни три,

Две обезьяны, бочки злата,

Да груз богатый шоколата,

Да модная болезнь: она

Недавно вам подарена.

Фауст
Всё утопить.
Мефистофель
Сейчас.
(Исчезает).

Двадцатый век придает ироничной игре метафизических размышлений мощь техногенных энергий – и цивилизация стыдливо отступает. Над дымом Освенцимов и Майданеков встает образ Филимона и Бавкиды, – благочестивой четы стариков, венчающих деятельность фаустовой воли, повелевающей стереть их с лица земли во имя светлого строительства будущих каналов, призванных очастливить человечество.

Что это – творение иступленного ума или порождение пресыщенного рас-судка? Гёте расторгает оковы условностей. Орест Сомов в 1823 году пишет: «Фауст – род ярмарочной фарсы». А.И. Тургенев в 1823 году глухо отзывается о «не всё постигшем гении Гёте-Мефистофеля...». В.Г. Белинский именует вторую часть «Фауста» «аллегорико-символической галиматьей» и отмечает «хаос умст-венный». Для И.С. Тургенева единственный положительный герой «Фауста» – Ме-фистофель, который более всего «страшен своей ежедневностью». Русский симво-лизм деятельность Фауста по строительству каналов в финале поэмы иначе как «ка-нализаторством» не называет. С. Соловьёв, вслед за К. Бальмонтом, отмечает: «В 5-ом действии Фауст предаётся деятельности, которую считает полезной для человечества. Он осушил часть моря, провёл канализацию».

Но времена меняются. В 1922 году Борис Пастернак восторженно работа-ет над переводом ранней неоконченной поэмы Гёте «Тайны» (1785) с ее мисти-ческой символикой. В 1936 году В.М. Жирмунский пишет о «завершении земно-го пути «Фауста» картиной деятельного участия героя в строительстве свобод-ной и счастливой жизни «миллионов».

Надо отдать должное гениальной школе немецкого романтизма – выпес-тованная в ее недрах поэтическая интуиция богато одарила европейскую куль-туру. Однако воспользовавшийся этим опытом провидец оказался слеп: и пошли бесконечные разговоры о гётевском филистерстве, которому все, касавшиеся вопроса, искали разной силы и степени оправдания и извинения.

В луче пушкинской мысли русская культура устами Б. Пастернака сказала, что у преступления против человечности оправдания нет. В своем переводе пя-того акта второй части гётевского «Фауста», опубликованном в 1953 году, поэт подвел черту под преступлениями века. Современники с этой задачей не спра-вились и по сей день...

Поэтическое слово... Тихое оно или громкое? Двадцатый век прошел в спорах о том, что чем громче, тем доходчивее. Однако, как известно, Дух дышит там, где хочет: пастернаковское слово русская культура не расслышала. Поэт по-пытался еще раз объясниться, пример тому – роман «доктор Живаго». Но и на этот раз не удалось донести твердую, но негромкую мысль: смысл романа рас-творился в общей проблематике творчества.

Среди наших современников нашелся сегодня человек, который услышал. Так Поэт слышит Поэта. Книга Юрия Юрченко «Зашифрованная поэма «Фауст»: Пастернак против Сталина» написана в древнем жанре апологии: это защита Поэта и Поэзии. Имя Пастернака выхвачено им из мелкотемья лихолетья и спасено. Это опыт духовного подвижничества.

Ясность мысли и четкость изложения настолько убедительны, что предлагаемая Ю. Юрченко к профессиональному обсуждению идея сразу становится научным фактом. То, что ему удалось обнаружить поэтическую тайнопись в пятом акте перевода «Фауста», является открытием в русской поэзии XX века и, более того, русской литературы в целом.

В определенном смысле Ю. Юрченко спас и вернул имя Б. Пастернака на поэтический Парнас, поскольку публикации последних лет граничили с уничтожающим «разоблачением» личной (как сокровенной) и поэтической (как художнической) жизни поэта. Поэтическое имя Б. Пастернака стала затягивать тина обывательских трактовок, что грозило русской литературе потерей его творчества как оригинального и нравственного художественного откровения.

Эта ситуация наиболее остро явила себя в шекспировских переводах Б. Пастернака. Сколь глуха оказалась сегодняшняя современность к его трагическим дерзаниям Духа, запечатленным в диалоге с великими предшественниками, среди которых Шекспир, Гёте, Бараташвили и др.

Открытие Юрия Юрченко, согласно которому в пастернаковские тексты вводится пятый акт «Фауста» с пометой «Из Гёте», – действительно великая удача. Какой трагический путь прошел Б. Пастернак от раннего перевода гётевской поэмы «Тайны» до откровения финала «Фауста» в 1953 году.

Острота взгляда Ю. Юрченко, на протяжении всей книги сталкивающегося с дерзновенностью пастернаковского решения, подсказанного и поддержанного Анной Ахматовой, бесспорно, созвучна глубинам искания русского духа.

Русская культура обязана Ю. Юрченко великим примером послушания – как вслушивания – в речь гениального собеседника. В этом он оказался безупречным Учеником своего Учителя: Пастернак парадоксальным образом обрел в мысли Гёте утешение. Ю. Юрченко последовал его примеру. А это ли не лучшее доказательство истинности достигнутого результата?

Всякий поэт ждет своего собеседника в горизонте вечности. Не так ли Шекспир спустя четыреста лет сегодня начинает говорить с нами на королевском языке риторического обихода? Гёте тоже дождался – Пастернака... Кто следующий на мировом Олимпе?

Книга Ю. Юрченко только что вышла из печати. А его идеи уже живут своей жизнью. Артист Московской государственной филармонии Владимир Завьялов выпустил диск – плод многолетних размышлений над русской литературой. Тема «Русский черт, или Le Diable à la Russe» открывается повестью Титова, тайно записанной со слов А.С. Пушкина, «Уединенный домик на Васильевском»; затем Достоевский, разговор Ивана Карамазова с чертом; ранний рассказ Чехова о бесе... А дальше – Б. Пастернак (из Гёте).

Все свершается на кругах своя: зло велико, но добро незримо торжествует. Как тут не вспомнить светлые строчки А.С. Пушкина:

Давай мне мысль, какую хочешь:
Её с конца я завожрю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лук согну в дугу,
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жирмунский, В.М. Гёте в русской литературе [Текст] : моногр. – Л. : Гослитиздат, 1937.
2. Макурenkova, С.А. Онтология слова: апология поэта. Обретение Атлантиды [Текст] : моногр. – М. : Логос-Гнозис, 2004.
3. Пушкин, А.С. Сочинения [Текст]. – М. : Худож. лит., 1949.
4. Юрченко, Ю. Зашифрованная поэма «Фауст»: Пастернак против Сталина [Текст] : моногр. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 255 с.